

ТЁМНЫЕ ЗВЕРИ

Оксана Алексеева

16+

Оксана Алексеева
Тёмные звери
Серия «Романтика с
веселой приправой»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42072918

SelfPub; 2019

Аннотация

Люди встречаются, люди влюбляются, женятся... Тут главное – порядок не перепутать. Ведь можно сначала выйти замуж, а уже после влюбиться. И совсем не в мужа. При создании обложки использовано изображение с сайта shutterstock

Глава 1

Настя любила придумывать теории – по любому вопросу. Есть среди них и такая. Все браки делятся на три вида: первые основываются лишь на чувствах и страсти; вторые – только на рациональном расчете; третьи же включают в себя и то и другое. Ведь расчет совсем не обязательно должен быть финансовым, он может основываться и на простом сопоставлении – вот с этим человеком жить уютно и удобно, а с тем, даже при всепоглощающей страсти, ждут одни проблемы. Первые семьи самые ненадежные – они и составляют основную долю в статистике разводов, ведь влюбленность проходит, и держаться дальше не за что. Самые прочные – вторые. Расчет он и в Африке расчет, в такой брак вступают с холодной головой, для расставания мотив должен быть не менее весомым, чем первоначальный. Если повезет, то такие рациональные супруги со временем проникнутся отношениями, по меньшей мере – станут близкими друзьями и не слишком раздражающими партнерами по сексу. А если нет... все равно такие браки самые прочные. Наиболее же счастливые – третьи. Чувства помогают сойтись людям и начать безболезненную притирку, а потом, через пять, десять или двадцать лет, супруги понимают, что любят уже не только друг друга, а ту атмосферу, которую они все эти годы создавали. Потому что расчет все-таки присутствовал – и именно он будет иметь значение через двадцать лет семейной жизни. Если Настина теория верна, то эмоции играют в

прочности и благополучии брака одну из главных ролей, но не так, как принято об этом говорить. Наоборот, чем больше изначально в партнерах здравого смысла, чем меньше они оперируют эфемерными категориями, тем больше вероятности того, что в будущем они и станут самой настоящей счастливой семьей.

И хоть Настя придерживалась таких убеждений, все равно умудрилась опровергнуть собственную статистику. Она не попала ни в одну из этих категорий... Судьба свалила на нее нечто настоящее слишком поздно – уже после того, как она вышла замуж. После того, как все для себя поняла и решила: о себе, о семье, о своем будущем. И когда Настя уже не ждала подвоха, старушка Предопределенность сделала ей подсечку. Наверное, в тайный замысел последней входило чему-то ее научить. Или просто посмеяться.

Вся эта с виду стройная теория формировалась в Насте с самого детства. Немалую роль в этом сыграла и любимая мама, которая неустанно повторяла ей с сестрами выкладки из жизненного опыта, дабы дочери не повторили ее ошибок. Словно советы кого-то отвратят с пути. Как наивно! Но девочки верили ей, пока не находили то, во что начинали верить еще охотнее.

Сестры всегда были разными, хоть и не слишком отдалены друг от друга в возрасте. Самая младшая, Викуля, была творческой и смышленной. Несмотря на простенькую внеш-

ность, девушка привлекала к себе внимание блеском глаз и восторженной улыбкой. По-ангельски наивная, тихая, простая и добрая – такие не выделяются, но если заметишь, то уже из сердца не выкинешь. Средняя, Катюша, унаследовала от матери боевой характер и от каждого из предков урвала по изюминке. Потрясающе красивая, а оттого и самоуверенная, Катюша в любом обществе затмевала остальных дам. Настя умудрилась и тут пролететь со статистикой – ни в ее внешности, ни в характере не было ничего примечательного. Она не умела, как Катюша, заговорить с незнакомцем и без стеснения обнажить свои лучшие качества. Не умела, как Викуля, пленять аурой уюта и добродетели. Но при этом еще была старшей сестрой и, как следствие, главным пунктом сосредоточения всех материнских чаяний без малейшего шанса их оправдать. Наверное, именно поэтому она и называлась в семье Настей, а не Настюшей или Настюлей по аналогии с сестрами. Но сама она этим лексическим тонкостям значения не придавала, потому что так было всегда.

В этом полнейшем матриархате вроде бы никогда не подразумевалось места для особой мужских. Да и мать об отце говорила в прошедшем времени, будто он давно умер. Но к счастью, бывший недо-глава семейства был жив и здоров, просто однажды ушел и стал жить отдельно. Если младшие сестры помнили период до развода родителей смутно, то на долю Насти выпало полное осознание происходящего. Отец был хорошим человеком: спокойным, работающим, тер-

пеливым. Единственным его недостатком оказалось отсутствие предпринимательской жилки – ну что ж, не всем дано. Но именно это и стало краеугольным камнем семейных конфликтов. Мать ведь не для себя просила! Она радела только о дочерях – раз уж по взаимному согласию решились завести троих детей, то обязаны их и одеть, и обуть, и образование дать. И тут не к месту отговорки, мол, в середине 90-х вообще мало где деньги водятся. Папа, поддавшись настойчивым требованиям жены, даже в бизнес подался, но с треском прогорел, а заодно и угрохал на это все мало-мальские сбережения. Тогда мать промолчала. Но ведь он и после, чем бы ни занимался, много не зарабатывал. А дети росли, с ними росли и расходы. Мать точно не о себе думала, когда закатывала ему очередной скандал, не выдерживая пытки беспросветным безденежьем. Это ей следовало бы заняться предпринимательством, но привязанная к дому маленькими детьми, она была вынуждена положиться на кормильца. А кормилец упорно не оправдывал надежд. Потому в один момент он ушел – не смог этого больше выносить. Молча собрал вещи, поцеловал дочек, да вышел за двери. С тех пор мать о нем и говорила в прошедшем времени, справедливо считая предателем. Когда она немного остыла, то позволила отцу общаться с детьми – он всегда брал их на выходные и привозил в гости к своей матери, у которой теперь жил. Со временем начал и алименты платить – небольшие деньги, но совсем не от скупости. Просто отец так и не научился крутиться, и

даже к концу лихого периода в российской экономике обзавелся стабильным, но не особо прибыльным местом.

Мать же, решив, что муж ее бросил на произвол судьбы, наконец-то и сама начала реализовывать себя, и к настоящему времени уже являлась владелицей крохотного хлебного магазина. Настина семья, вместе со всем городом, выбиралась на новый уровень жизни, быстро забывая былые трудности. Но брак ее родителей этого испытания не выдержал.

Никто из ее родителей не был плохим человеком. Просто им не посчастливилось попасть в неудачную часть статистики. Они ведь изначально не подходили друг другу, имели разные темпераменты и жизненные позиции, но женились, поддавшись эмоциям. И были обречены. Но как бы мать резко ни отзывалась о «папаше», дочери все равно не впитали этого негатива. И чем старше они становились, тем реже звучало в доме слово «предатель», отчего мать себя чувствовала преданной еще и детьми.

Но эта женщина была непотопляема. Она не лила слез, не причитала, не пополнила ряды одичавших от отчаянья брошенок – она обзаводилась связями и добывала информацию. Кто еще способен выбить дотацию от муниципалитета при живом-то отце ее детей? Только Мария Максимовна Захарова! Кто уговорит соседку выступить поручителем в банке, чтобы взять кредит? Та же самая Мария Максимовна Захарова. Почему это свекровь не может забрать Викулю из детского сада или отвезти Настю на курсы? Очень даже может!

Если не хочет связываться с боевой невесткой, которая умеет поставить вопрос так, чтобы получить на него нужный ответ. Такие люди и на необитаемом острове обеспечат себя необходимым – невероятная жизненная сила пробьет себе дорогу. И хоть мать постоянно повторяла, что была вынуждена стать такой ради дочерей, но теперь уже Настя понимала – другой человек не смог бы. А Мария Максимовна Захарова не стала бы тихоней, даже не будь у нее трех ртов, которые надо прокормить.

Четыре года назад они поменяли свою хрущевскую двушку на гораздо более просторную квартиру ближе к центру. Опять же мать все организовала – заключила договор с одинокой бабушкой об уходе, а потом позвонила бывшему мужу – тебе якобы все равно нечем по вечерам заниматься, так вот будь добр, поработай сиделкой. Все же ради твоих детей! Отец без сопротивления подчинился, по-прежнему чувствуя вину. И хоть бабушкина квартирка не являла собой шикарные хоромы, но ее продажа после смерти подопечной, как раз и помогла матриархальному семейству улучшить жилищные условия.

Словом, Настина мама была героем. Ну, эдаким боевым генералом. Но, повзрослев, и в папе Настя тоже увидела героя – другого покроя и склонного к другим подвигам. Ведь он, как и мать, тоже все делал ради любви к дочерям и не подумал обзаводиться другой семьей, даже когда его дела наладились. Скорее всего, не считал себя вправе, а может, по

иным причинам. Но главное – он не требовал героизма от других. В отличие от генерала...

– Насть, пойдика переоденься, красавица моя! – мать всегда здоровалась за завтраком очередным требованием. – Эта юбка делает твои худые ноги худыми до безобразия! Катюш, что сидишь, глазками лупаешь? Неужели не найдется для сестры чего-то приличного?

Катюша предсказуемо скривилась:

– Мам, мы что, в нищете живем? Сколько мы еще будем вещами делиться?

Этим она только переключила мамино внимание с Настинной юбки на себя:

– Я бы на твоём месте тушью поделилась. И с сестрами, и со всем районом! Это ж сколько сил у тебя уходит на то, чтобы держать глаза открытыми при таком-то весе?

– А у меня там мышцы накачанные! – Катюша уже тоже привыкла к подобным перепалкам и не думала обижаться. – Туши на мне не больше, чем на тебе лака для волос!

– Красавица моя, вот когда будешь счастливой обладательницей трех волосинок, тогда и расскажешь мне, как из этого арсенала сотворить удобоваримую прическу без лака! А до тех пор, будь добра, не критикуй. Итак, Настя, на чем мы там остановились? – вернулась она к предыдущей теме.

Настя ответила с набитым ртом:

– Булочки, говорю, вкусные! Викуля у нас печет все лучше и лучше. Так мы скоро и продавать ее выпечку сможем за

бешеные деньжища.

– Это точно. У красавицы моей прямо талант, – заулыбалась мать, глядя на младшую. – Викуль, а ты-то чего такая раскрашенная сегодня? У Катюши понахваталась или тоже глазные мышцы качаешь?

– А у нее свидание с Егоркой сегодня! – хмыкнула Катюша.

– Да у нее каждый день свидание с Егоркой, – монотонно отреагировала мать.

Викуля встречалась с Егором еще в школе, а теперь они поступили на один факультет. Отношения между этими двумя были трогательными и романтическими. Мама открыто не критиковала выбор дочери – взрослая уже, но и приязни к пареньку не демонстрировала. Тут и без телепатии ясно, что в нем родительница не видела той каменной стены, которую искала для каждой из своих красавиц. Егорка был подобен самой Викуле – такой же тихий, скромный... сильно напоминающий повадками отца. А у матери присутствовала ярко выраженная аллергия на такой типаж. Но если уж любят, что тут поделаешь?

Викуле еще повезло, а Настиного парня мать вообще в упор отказывалась замечать. Настя познакомилась с Сеней уже давно – они в тот день гуляли с сестрами в парке, и к ним подошли парни. Все тут же распетушились перед Катюшей, но Сеня был единственным, кто сел рядом с Настей на лавочку и тихо представился. С тех пор они и встречались,

хотя мать каждый раз отмахивалась – мол, завтра же расстанетесь. И так на протяжении двух лет. Но по этому вопросу Настя с ней и не спорила – ей тоже так казалось. Если вначале Сеня и произвел на нее приятное впечатление, то с тех пор это впечатление с мертвой точки ни разу и не колыхнулось. Они встречались пару раз в неделю. Частенько по выходным Настя оставалась у Сени. И ее не удивит, если однажды они забудут созвониться в пятницу вечером, чтобы договориться о встрече в субботу. Просто забудут – потому что при таких длительных отношениях никакой близости душ между ними так и не возникло. Настя продолжала общаться с Сеней, потому что в ее возрасте уже нужно с кем-то общаться, хотя бы для того чтобы удовлетворять сексуальные потребности. И она полагала, что он продолжает звонить ей по той же причине. Иногда пара ходила в кино, а на день рождения и восьмое марта Сеня покупал Насте огромный букет цветов, но даже такие ежегодные приступы романтичности никаких всплесков эмоций не порождали. Парень был достаточно хорош, чтобы называться «постоянным», и недостаточно плох, чтобы Настя хоть раз всерьез задумалась о расставании.

О таких подробностях знала только сама Настя, так почему же мать продолжала звать ее парня «тухлым яйцом», даже не удосужившись запомнить имя? Ведь Сеня был серьезным, надежным, точно не легкомысленным; работал бухгалтером в крупной фирме и неплохо зарабатывал. Старше Насте на пять лет, но из-за худощавости выглядел ее ровесни-

ком. Именно подобная кандидатура должна была разбудить в матери счастливую тещу. Но нет. Возможно, потому что их отношения с Сеней так сильно отличались от отношений Егорки и Викули – те отлепиться друг от друга не могли. Потому-то Егорка считался хоть и незavidным, но бойфрендом, а Сеня – тухлым яйцом.

Настя, дожевав завтрак, бегло кивнула сестрам и матери и попыталась скрыться, но была остановлена на излете грозным:

– Красавица моя, юбку смени! А этой полы будем мыть. Тебе уже двадцать четыре, в такой хламиде мы тебя никогда замуж не выдадим!

Настя потом еще минут десять крутилась в своей комнате перед зеркалом, пытаюсь понять, что же не так с этой юбкой – модная, недавно купленная вещьца, причем с одобрения Катюши, у которой глаз-алмаз. И Сене понравилась. Мать просто не понимает нынешних тенденций. В итоге она махнула рукой, да так и отправилась на работу.

Ее теория о видах брака окончательно оформилась именно в тот день. В школе было родительское собрание, на которое пригласили и ее – учительницу английского. Поэтому освободилась Настя довольно поздно, а в октябре у них уже в девять вечера темнота, хоть глаз выколи. Работу свою Настя любила. Точнее не так – видела в ней смысл. Но в плане практичности это был не очень правильный выбор. Как же мать радовалась, когда Настя поступила в педагогический на

факультет иностранных языков! Как же мать расстроилась, узнав, что дочь собирается работать по профилю – педагогом. Но смирилась, понимая, что поначалу нужно набраться опыта, хоть какой-то стаж заполучить в виде записи в трудовой книжке, а уж потом пробиваться на вакансии в мультимиллиардные корпорации. Она пока решила не заикливаться на том, что в их городке мультимиллиардных корпораций не так уж и много... А Настя же получила свободу наслаждаться преподаванием, хотя была готова к тому, что это дело быстро измотает – так случается почти с каждым учителем, к сожалению. То ли сама профессия вместе с буйными детишками высасывают энергию, то ли низкая оплата труда заставляет пересматривать приоритеты, но факт остается фактом – даже лучшие учителя со временем перестают испытывать ту же радость, что в начале работы.

Все сестры выбрали для себя разные пути. Катюша заканчивала юридический – замечательная профессия для ее характера! И даже бесконечные мимолетные ухажеры не могли сбить ее с пути получения лучшего образования. Она уже с первого курса строила и перестраивала планы на будущую карьеру. Настю же мать перестала донимать с ее учительством, едва Викуля вздумала поступать на художественное отделение. Вот уж где повод для беспокойства! Мария Максимовна заламывала руки и закатывала глаза, но когда поняла, что переубедить глупенькую младшую у нее не получится, смирилась с мыслью о том, что ей придется содержать

дочурку до самой смерти. Потому что с Егорки толку тоже мало – олух поступил туда же.

В общем, Настя возвращалась домой позже обычного. К новостройкам еще не запустили автобусный маршрут, поэтому приходилось топать от троллейбусной остановки очень далеко. Но это было проблемой только в такие редкие дни, когда приходилось преодолевать это расстояние в темноте. Но на этот раз Насте повезло – ее окликнул мужчина. Она поначалу испугалась, но потом узнала соседа, живущего в другом подъезде ее дома. Тот догнал девушку и прямо заявил:

– Пойдем вместе, а то я один боюсь.

И неловко рассмеялся. Настя тоже улыбнулась, принимая его помощь, обернутую в шутливую форму. Они не были знакомы, но, конечно, видели друг друга. Мужчина этот, лет тридцати пяти или чуть больше, часто гулял со своими сыновьями во дворе. Обычный такой, ничем не примечательный... но не позволивший девушке одной добираться до дома.

Его звали Николаем – по пути они познакомились и легко разговорились. И Настя ни с того ни с сего начала ему жаловаться на пустяки, и он тоже рассказывал о себе личное. Просто так. Такое случается, когда два незнакомца, которые ни с кем не могут поделиться какой-то ерундой, вдруг находят такого же слушателя. Настя никому, даже самой себе, не озвучивала раньше переживания о том, как сильно ее тяго-

тят надежды матери на удачный брак. А она, самая старшая, в отличие от сестер, даже серьезных отношений не имела. А в серьезности отношений с Сеней даже она не может не сомневаться. Николай же рассказал, как познакомился со своей будущей женой. И как они счастливы теперь, спустя двенадцать лет брака. Они говорили и говорили, а потом даже задержались возле Настинного подъезда, желая хоть ненадолго продлить эту бессмысленную болтовню.

И из рассказа мужчины Настя отчетливо поняла важное: Николай любил жену двенадцать лет назад и любит до сих пор, он обожает своих сыновей и может считать свою жизнь счастливой. Но... Но ему словно не хочется побыстрее попасть домой. А что там ждет? Очередная рутина, обычные приветствия и бытовые дела. Ужин, телевизор, детская книжка. Это и есть счастье! Но это счастье не ощущается в каждый момент времени, не вызывает эйфории. Такое спокойное чувство гармонии, но душа как будто ждет чего-то еще – непредсказуемого, вызывающего восторг и накал эмоций. А этого уже не будет.

Когда Николай попрощался и направился к подъезду, Настя еще долго смотрела ему вслед, заочно благодаря за этот разговор. Он и сам не понял, к насколько важным выводам ее привел. Он замечательный человек, никогда не бросит жену и не изменит ей. Да и та, судя по рассказу, относится к нему так же. А потом пройдет еще двенадцать лет. И еще. Но такими же счастливыми, как в начале отношений, они

уже не будут – продолжат жить по накатанной, привыкая и смиряясь с неизбежной рутинной. Тогда чего стоят эти первоначальные чувства? Если они ничего, кроме тревожащих воспоминаний, не несут, тогда зачем они? Ведь Николай со своей женой ощущали бы сейчас себя примерно так же, если бы когда-то и не были влюблены до дрожи в коленках. А может, им было бы даже спокойнее. Этот разговор был важен для Насти именно потому, что она впервые поняла, насколько мать права – не в мелочах, в которых она постоянно перегибалась, а в сути. Влюбленность сама по себе ничего не значит. Имеет значение только любовь, которая остается после того, как страсть окончательно пройдет. И неважно, на чем она зиждется – на предыдущих эмоциях, на комфорте, приятности общения или на изначальном расчете. Важно только то, что она связывает мужа и жену как родственников. Примерно так, как Настя любит отца, сестер или мать – в этих чувствах нет эйфории, но зато есть прочная связь. И чем меньше эйфории сначала, тем прочнее связь потом.

Наверное, не будь этой мимолетной встречи с посторонним человеком, не случилось бы и дальнейших событий.

На следующей неделе мать огорошила Настю новостями:
– Все, красавица моя! Ты увольняешься из школы! Я все устроила!

– Эм-м... С чего вдруг? – Настя оторвалась от конспектов, которые готовила на завтрашнее занятие.

Мама уперла руки в бока и усилила уровень угрозы в прищуре:

– У Люды брат двоюродный есть, а у того жена работает с одной женщиной, – начала она примерно с того, с чего началось объяснение любой ее стратегии. – Так вот эта женщина говорит, что ее дочь работает в одном доме. И там срочно нужен – сиди, сиди, доченька, а то еще упадешь от восторга – репетитор!

– А я собираюсь быть репетитором? – уточнила Настя, которой это отнюдь не было очевидно.

– Собираешься! – мать теперь уселась на край кровати и всем видом выражала полное блаженство. – Слушай, красавица моя. Представь себе, что некий очень богатый мужчина имеет дом за городом. Да какой там дом – практически особняк! С прислугой, кухарками и садовником. В лучших традициях крепостного права! И есть у этого богатого мужчины доченька, которая имеет в своей супернавороченной гимназии проблемы с иностранным языком. А тут так кстати дочь коллеги жены двоюродного брата Люды ему вворачивает, что имеется подходящая кандидатка на эту должность. Только там у них проблемы какие-то, поэтому ищут человека с возможностью занятости на полный день. Это ты уже на месте уточнишь. Ну кто к ним в дом придет по объявлению? Шарлатан какой непроверенный. Потому-то до сих пор и не нашли. А тут свой человек, практический родной!

– Ну да, практический родной. И что? Он там зарплату

выдает не в лучших традициях крепостного права?

– Уж точно не ниже, чем в твоей школе! – резонно заметила мать. Резонно – потому что ниже уже вряд ли возможно исходя из законодательно установленного прожиточного минимума. – Но не это главное! Вышеописанный экземпляр – очень серьезный, приличный вдовец и просто красавец! Даже в свои сорок с хвостиком.

Настя не могла не усмехнуться, чутко улавливая направление маминых мыслей:

– Такое ощущение, что ты не на работу меня отправляешь, а замуж.

Та только руками развела:

– Ну, а чем черт не шутит? Ты не можешь запретить мне мечтать о личной кухарке в старости, красавица моя!

– Мам! Сорок с хвостиком – это примерно на двадцать больше, чем двадцать с хвостиком!

– Так я ж не говорю тебе прям с порога замуж кидаться. Посмотри, а вдруг неплох? В худшем случае подзаработаешь. И не благодари меня за карьерный рост!

Настя до сих пор не могла поверить, что родительница это всерьез:

– А я и не собиралась тебя благодарить за то, что ты хочешь из учителя сделать прислугу. Посмотри в словаре определение слова «карьера».

– Все нудишь и нудишь. От своего тухлого яйца занудство подцепила? – мама не была в настроении спорить. Но напо-

следок все же обернулась в дверях: – Настя, а что ты теряешь? Боишься потом в школу не устроиться? Я тебя умоляю! При нынешней нехватке учителей...

Настя не была склонна к чувству противоречия и сначала посоветовалась со всеми близкими людьми по этому вопросу. Чтобы принять решение самостоятельно, но не на эмоциях, а взвешенно. Сестры проголосовали за репетиторство без оговорок. Отец хмурился и долго думал, но остался солидарен с дочерьми. Правда, добавил, что Настя ничего не должна терпеть – и если вдруг почувствует высокомерное отношение к себе или дискомфорт, то тут же уволится. Никакие деньги не стоят самоуважения – это был его жизненный принцип, который Настя полностью разделяла. Сеня же сказал, что если она нуждается в деньгах, то стоит просто сказать ему об этом – необязательно так напрягаться ради заработка. В итоге уже взвешенно и обоснованно Настя ввязалась в авантюру матери.

Но как выяснилось позже, ничего авантюрного в плане не было, кроме сложности цепочки, по которой Настя попала на это место. Хозяина дома уговорили с ней встретиться и провести полномасштабное собеседование. Уже на следующий день Настя прибыла в поместье – она не могла подобрать более подходящего термина – и была представлена Александру Алексеевичу. Мать ее, наверное, нутром чуяла или просто угадала – он и правда оказался приятным, солидным и при-

влекательным мужчиной для своих лет. Выглядел он скорее на пятьдесят без хвостика, но возраст ничуть его не портил, лишь немного добавив грузности. Светлые пронизательные глаза через очки в тонкой оправе завораживали. Александр Алексеевич встал из-за дубового стола, улыбнулся и вышел навстречу.

– День добрый, Анастасия.

А потом понеслись сотни или тысячи вопросов – о ней, об образовании, о работе в школе, потом и о семье, о жизненных приоритетах и даже о разводе родителей. Последнее смутило Настю окончательно, но она отвечала, как могла, подспудно понимая, что интерес к этому возник не просто так – и он даже возрастал по мере того, как Александр Алексеевич получал ответы. Последним вопросом был:

– Когда сможете приступить?

– Приступить? То есть я принята?

– Это не мне решать, – у него улыбка добрая – на такую хочется ответить только улыбкой. – Вы поработаете с Вероникой, и если она вас примет, то и я не стану спорить.

Настя не предполагала, что все пройдет именно так, поэтому задумчиво кивнула. Александр Алексеевич добавил:

– Но мне бы хотелось, чтобы вы не просто были репетитором, а стали... и другом, и учителем одновременно. У Вероники есть няня, но это не то. Вера Петровна уже женщина в возрасте – не может проверять домашние задания или что-то подсказывать. Вы должны сразу понимать ситуацию... де-

вочка потеряла мать так рано, ей нужно женское участие. Она капризна и плохо сходится с людьми. Нанять кого-то вроде вас нам посоветовал психолог – якобы так ребенок не почувствует, что на него давят, и незаметно для себя найдет отдушину. Вдруг у молодой девушки, да еще и привыкшей работать с детьми, получится достучаться до нее? Я до вас встречался с несколькими претендентками, но только вы вызвали во мне уверенность. Понимаете?

Настя понимала. Дав согласие приступить к работе через две недели, она тряслась в троллейбусе по пути в школу, чтобы написать заявление на увольнение. И переживала о том, что поступает некрасиво, подводит людей в начале учебного года. Мама, конечно, в этом проблемы не видела, но Насте было не по себе. Зато теперь она лучше понимала ситуацию и то, что совмещать две работы не получится. Александр Алексеевич дал понять, что визита на час в день для занятий английским недостаточно. Лучше всего – проводить с Вероникой как можно больше времени. Девочка часто болеет, и в те дни, когда она не ходит в гимназию, Насте лучше быть рядом – помочь с уроками, чтобы не отстала, составить компанию. Вера Петровна не справляется с новомодной школьной программой, а нанимать репетиторов по всем предметам нет никакой необходимости – достаточно контролировать. Он искал не репетитора по английскому, а вторую няньку для своей восьмилетней дочери. Настя согласилась на это предложение, несмотря на то что в деле появилось

столько дополнительных обстоятельств. Согласилась, потому что почувствовала, что сама этого хочет. Наверное, это была жалость к ребенку, который не заслужил такой боли. Никто не заслужил. И если Насте удастся хоть чем-то скрасить участь Вероники, то она обязана попытаться. А школа другого учителя найдет – благо, выпускников факультета иностранных языков, так и не нашедших высокооплачиваемой работы, пруд пруди.

В первый рабочий день семейство снаряжало Настю как в последний путь. Даже Катюша истощила свой гардероб и от души подкинула старшей сестрице новых шмоток. Они уже разыскали полное досье Александра Алексеевича, собрали сплетни и решили, что незамужней Настю обратно не примут. Мать даже намекнула на то, что там для персонала есть комнаты – и как только Настя захомутает дочурку владельца, то может сразу переезжать. Это больше напоминало не смену места работы, а планомерное выселение засидевшейся в девицах Насти в более «рыбное место». Да нет, не напоминало – об этом уже прямо говорили. Настя же только отшучивалась.

На момент ее приезда в дом Вероника была в гимназии. Очень удачно, потому что для начала Насте следовало осмотреться и познакомиться с другими работниками. «Крепостные», как один, хором утверждали, что лучшего места она бы не нашла, но еще не факт, что сама она этому месту

подходит. Наташка, по чьей изначальной протекции Настя тут и оказалась, сама вызвалась быть гидом. Она тут работала уборщицей, но ничуть этой должности не стыдилась – а что плохого в том, чтобы девушке из простой семьи и без институтского образования зарабатывать деньги честным трудом? Да еще какие деньги! На зарплате Александр Алексеевич не экономил, предпочитая держать штат из проверенных людей, тем самым дополнительно защищая дочь от лишних стрессов. Некоторые, например, повар Тamarочка и ее муж, работали тут уже больше десяти лет. Все они являли собой своеобразную семью и потому с настороженностью отнеслись к новенькой – Настя почувствовала, что ей необходимо получить одобрение не только от Вероники. Если она не впишется в коллектив, то Александр Алексеевич тут же избавится от раздражающего атмосферу фактора.

Наташка же была простоватой и хамоватой – идеальное сочетание для первого знакомства. С такими не надо подбирать слова и скрывать неловкость, они сами кого угодно заговорят до смерти. Она водила Настю из комнаты в комнату, попутно выкладывая собранные за последние пару лет сплетни. Хозяин был человеком принципиальным – баб в дом не водил, налево, судя по рассказам Наташки, тоже особо не гулял. Но работа – а он занимался оптовой торговлей стройматериалами – требовала слишком много времени. И единственное, что его заботило – благополучие дочери, которой сам он не мог посвятить все свое внимание. Была у мужчины

одна невестушка, да сплыла, потому что Вероника ни в каком виде ее видеть не хотела. Но случилось это еще до прихода Наташки в дом, поэтому она сама и не придавала этому событию значения.

О любви отца к дочери кричало буквально все. Просторные комнаты были изящно декорированы, но в каждой что-то напоминало о присутствии ребенка – там игрушки, тут детские книги, даже в библиотеке стоял синтезатор, к которому девочка давно потеряла интерес. Что уж говорить о детской комнате, битком заваленной куклами, роботами и прочей мишурой? А в шикарной гостиной на стенах висели портреты – по большей части самой Вероники, но и ее матери, и групповые фото. Настя остановилась уже на третьем изображении девочки в объятиях незнакомого парня.

– А это кто такой? – Настя поймала паузу, когда Наташка переводила дыхание.

– Так сын же Сан Алексеича. Артём.

– У него есть сын? – этот вопрос прозвучал бессмысленно, как будто Настя удивлялась тому, что ей первым делом не сообщили о таком невероятном факте. – А где он?

– Учится за границей. На Новый год теперь, наверное, только приедет. Ты не смотри на морду смазливую, он, даже когда тут находится, ночевать почти не приходит. Бабник, алкаш, хамло... и бунтарь, как сам Сан Алексеич его называет. Воспитанный же! Нормальных слов не знает.

Настя всмотрелась в последнюю фотографию еще при-

стальнее. «Морда» и в самом деле смазливая, Наташка не преувеличила. Улыбается с кривым прищуром, челка на глаза падает. Такие лица обычно в рекламе зубной пасты показывают – ни грамма глубины за улыбкой, но зато зубы безупречно белые.

– Надо же. Совсем не похож.

Это Настя заметила точно. У Вероники с отцом было много общего – голубые глаза, светлые волосы. А этот черноволосый парень был совсем другой породы, чем отец или сестра.

– Он неродной, – почему-то тише ответила Наташка. – Об этом не принято говорить, вроде как неуместно... но все об этом знают. Он сын покойной хозяйки – она за Сан Алексеича уже с приплодом вышла. Но ты не думай, что у них там какие терки по этому поводу – они друг друга «папа» и «сын» называют, да и растил Сан Алексеич его с малых лет, так что сын, как ни крути. И даже закидоны терпит наследничка, все как у родных.

– Понятно.

Настя никак не могла оторваться от кривого прищура, подспудно соображая, специально ли «бабник, алкаш, хамло и бунтарь» тренировался делать такое выражение лица или это вышло естественно. Уже в тот момент ее подсознание вопило о чем-то важном, но мозг сигнала не уловил. Или Настя предпочла его проигнорировать.

Глава 2

Настя любила придумывать разные теории – по любому вопросу. Есть среди них и такая. У каждого человека одна основная цель – привлечение внимания. Нет, речь идет не только о том, что каждый мечтает, чтобы его любили. Это необязательно должен быть один-единственный человек или группа близких, для многих людей любое внимание ценно. Человек покупает новую машину не только потому, что она гораздо удобнее прежней. Заодно он еще и получает восхищенные взгляды на дороге. Творческая личность гниет изнутри, если не ощущает отдачи от своего таланта. Даже криминалисты говорят о том, что каждый преступник подсознательно хочет быть пойманным. На том серийных маньяков и раскрывают. Откуда бы взялось у него такое желание, не будь потребности быть замеченным? Кто-то совершает подвиги во имя той же банальной цели. Кто-то просто тратит последние деньги на модные джинсы. Поступки бывают разные, но все они сводятся к одному и тому же знаменателю. Внимания, любви и восхищения не бывает слишком много, чтобы этим пресытиться. И лукавят те шоу-звезды, которые с боевым кличем кидаются на папарацци – они понимают, что все, что они делали прежде, и было предназначено для привлечения внимания. Их может раздражать излишняя назойливость в этот конкретный момент, но если они ее лишатся, если не останется ни одного папарацци, которому они интересны, то они начнут битву за внимание заново, позабыв о недавнем раздражении. Но большинство взрослых лю-

дей учатся этот мотив скрывать, ведь он, в отличие от добы-
вания пищи или беззаветного альтруизма, без подтекста вы-
дает эгоизм. В современном обществе некрасиво быть эгои-
стом. Точнее, некрасиво открыто этим гордиться. Дети же,
чистые в своей наивности, более естественны, поэтому их
порывы к привлечению любви и внимания всегда заметны.
Достаточно только открыть глаза.

О том, что ее подопечная окажется несколько избалован-
ной, Настя уже успела догадаться. Но вряд ли представляла
себе масштабы бедствия. На первом совместном обеде На-
стя попросила обращаться к ней просто «Настя» и на «ты»,
но Вероника назвала ее «училкой», а Тamarочке заявила, что
«суп невозможно есть». Отец, который специально для это-
го мероприятия приехал домой, сделал ей замечание, Тама-
рочка же принесла девочке макароны с сыром, которые та
неожиданно потребовала. Поскольку повар принесла блюдо
сразу после этого заявления, стало понятно, что такое пове-
дение было отнюдь не редкостью.

Настю не разозлили эти ребячества. Она смотрела на ре-
бенка глазами педагога – Вероника требовала внимания, как
и все дети в ее возрасте. Но поскольку девочку никто не огра-
ничивал в этом рвении, то она требовала все больше и боль-
ше. Плюс к тому, у нее затянулся период, когда дети провер-
яют родительскую любовь на прочность – и терпеливость
Александра Алексеевича была понятна. Скорее всего, с по-

дачи психологов он и выбрал такую стратегию. Он поступает ровно так, как будет лучше для дочери – воспитание воспитанием, но главное в случае Вероники – это дать почувствовать, что ее безусловно любят. А ограничения отец выставил для нее постепенно и только там, где без этого не обойтись. Настя явственно ощущала, как он сдерживает себя, не позволяет вспылить, а это означало, что порцию строгости Вероника все же получает. И будет получать ее еще больше, когда текущие проблемы решатся.

Сразу после обеда Александр Алексеевич спешно умчался на работу, а Насте предстояло начать общение с Вероникой. У той действительно наблюдались проблемы с английским, но в восемь лет не обязательно говорить на нем, как на родном. Настя только прошлась по азам, чтобы не нагружать ребенка в первый же день, а потом предложила вместе посмотреть домашнее задание. Вероника отказалась, заявив, что «трудовые обязанности училки на этом заканчиваются». Остаток дня Настя не знала, куда себя пристроить.

На второй день Вероника сказала, что у нее раскалывается голова, и потому занятие отменяется. Кстати, она начинала ссылаться на головную боль или головокружение, как только ей предстояло сложное задание. Девочка не просто требовала любви, она была склонна к любым манипуляциям, лишь бы получить долю внимания.

На третий день ситуация повторилась, но Настя уговорила Веронику позаниматься хотя бы пять минут. Голова у

той «начала болеть» на четвертой. И тут же все прошло, как только Настя сдалась и разрешила посмотреть мультфильмы. Неудивительно, что пожилая няня рано или поздно срывалась на крик – ведь уроки-то должны быть сделаны, а эти манипуляции не заканчивались никогда.

Следующую неделю Вероника провела дома – она так плохо себя чувствовала, что не могла посещать гимназию. Вызванный доктор диагностировал только «переутомление» – видимо, привык ставить такой диагноз именно по этому адресу.

И тем не менее Настя понимала девочку все лучше и лучше. Ее нежелание ходить в гимназию объяснялось просто:

– У меня там совсем нет друзей. Они меня ненавидят! А я ненавижу их.

Понятно. Еще и сложные отношения с одноклассниками. Оказалось даже, что Веронике иногда там обижают – правда, чаще всего в ответ на ее агрессивное поведение. Но об этом прямо не скажешь, потому Настя просто предложила провожать и встречать ее каждый день. «И если вдруг хоть кто-то тебя обидит, я их всех на куски разорву!» – смело пообещала Настя, этим неожиданно подняв девочке настроение. Оставалось только надеяться, что никого на куски рвать не придется. Но ребенок должен знать, что кто-то всегда на его стороне.

После этого Вероника стала откровеннее рассказывать о школьных проблемах. По непонятным причинам она не го-

ворила об этом даже отцу – и вот тут вопрос о ее избалованности вставал под сомнение. А Насте говорила. Это как тогда, с Николаем, иногда легче открыться чужому человеку, чем родному. Такая странная психологическая загвоздка.

Когда Вероника в очередной раз, после уже нескольких предупреждений, назвала Настю «училкой», та тут же демонстративно встала и вышла в коридор.

– Ты куда это? – девочка вылетела вслед за репетитором.

– Я ухожу. А иначе накричу на тебя. Поэтому я сейчас поеду домой, а завтра вернусь.

– Точно вернешься? – та не собиралась извиняться, только хмурилась.

– Точно. Потому что ты очень хорошая девочка, которая иногда говорит обидные слова. Поэтому я обязательно к тебе вернусь. До свидания, Вероника.

Больше она Настю «училкой» не называла.

Головные боли они лечили прогулками. Едва только Вероника упоминала о мигрени – а это случалось всякий раз, когда они садились за уроки – Настя тащила девочку на прогулку, поясняя, что полезнее всего в этом случае свежий воздух. Иногда приходилось раз десять раздеваться и одеваться, чтобы сделать пару кружков вокруг дома. Со временем Вероника стала ссылаться на боль реже, но нельзя сказать, что никогда. Это был ее способ борьбы с переутомлением – теперь она, отзанимавшись час, сама тянула Настю на улицу. Дети редко осознают свою усталость, они просто капризни-

чают, но Настя случайным образом подсказала ребенку выход в такой ситуации.

Истерики за обедом повторялись ежедневно, тут не помогало ничего. Единственное, что Настя могла посоветовать с уверенностью – не заставлять Веронику есть. Никогда. Вера Петровна сначала хваталась за сердце, а потом на полном серьезе заявила, что когда ребенок упадет в обморок – а это непременно на днях случится – то виновата в этом будет только Настя. Вероника в обморок так и не упала, но и истерик не прекратила, которые теперь звучали в никуда. Зато ассортимент «съедобных блюд» немного расширился.

Однажды Вероника заявила, что способна выполнить все задания без помощи Насти и уж точно без проверки. Настя без единого слова возражения отправилась в гостиную. На следующий день Вероника притащила из гимназии двойку, а потом заявила Насте:

– Ты что же, сама не видела, что я во втором классе учусь! Могла бы и не соглашаться! Пойду Вере Петровне все про тебя расскажу! Как я из-за тебя двойку получила.

Вера Петровна в этот день была полностью счастлива. Настя ничего отвечать не собиралась.

– Они меня обзывали свиньей! И все так смеялись... Из-за капли сока на юбочке!

– Вероника, твои одноклассники поступили некрасиво. Нельзя оскорблять человека, особенно если он не виноват. И они были неправы, а ты была права... ровно до того мо-

мента, когда вlepила Юле ложкой по лбу.

– Они меня ненавидят! У меня вообще нет друзей!

– Ошибаешься. У тебя есть по крайней мере один друг – я. И я ни за что не назвала бы тебя свиньей. Даже если бы ты вылила на юбочку всю пачку сока.

– Даже если б специально?

– Даже так.

– Пойдем на кухню, проверим!

– Без проблем.

Наблюдая за тем, как Вероника выливает целый литр персикового сока на форменную юбку, даже Тamarочка усомнилась в адекватности Насти, которая при этом и слова не произнесла.

– Ну зачем мне этот английский? И без того уроков много!

– Давай тогда сегодня занятие отменим. Но если хочешь, то я позвоню тебе вечером, перед тем, как ты ляжешь спать, и спрошу по-английски: «Как дела?». А ты мне что-нибудь ответишь.

– А ты мне позвонишь?

– Обязательно.

С тех пор Настя звонила Веронике каждый вечер, хоть разговор их и сводился к двум-трем фразам.

– Настя, а друзей можно купить?

– Конечно, нет.

– Но ведь папа тебя мне купил.

– Он купил мое время, но не мою дружбу. Собирайся уже,

а то в кино опоздаем, – Вера Петровна сама попросила Настю сегодня составить Веронике компанию.

– Омафакинэс! – Вероника иногда вставляла это ругательство, но вряд ли понимала его смысл, поэтому Настя просто предпочитала не заострять на нем внимания. – Вот за что мне в друзья досталась такая зануда? Давай в кино и Наташу позовем – она так смешно хохочет! А вот тебя можно и тут оставить, все равно в веселье от тебя толку мало.

Только через месяц они пришли к общим правилам взаимодействия. И нельзя сказать, что поведение Вероники существенно изменилось – она чуть реже пропускала гимназию, чуть чаще садилась за уроки без предварительной «головной боли», но на этом достижения Насти заканчивались. Однако Александр Алексеевич и в этих небольших сдвигах видел грандиозные победы, за что Настю и благодарил. Она пока не чувствовала себя достойной похвалы, но при этом и понимала, что в будущем об этих заботах никто и не вспомнит. Наверное, напрасно Александр Алексеевич не женился повторно и, судя по кухонным сплетням, даже не собирался. Девочке нужен тот, кто хотя бы отчасти способен сыграть роль матери. Вероника приняла бы это как факт. Но чем старше она становится, тем ей сложнее будет принять нового человека в своей жизни. И тем сложнее будет ее отцу.

Отношения с остальными «крепостными» у Насти тоже были доброжелательными. Так она и думала, пока случайно не услышала разговор на кухне. Настя замерла в коридорчи-

ке, а потом, собравшись, быстро ретировалась в гостиную, но успела уловить самое важное – она, дескать, работает меньше остальных, но получает ту же зарплату. Некоторые за эти деньги вкалывают с утра до ночи. Претензия эта, вызвавшая шумное одобрение, прозвучала из уст Веры Петровны – няни Вероники. От нее такого подвоха Настя не ждала. Вот что за людская сложность? Разве обязательно нужно в глаза улыбаться и строить из себя саму доброту, искреннее благодаря за то, что у пожилой женщины теперь куда больше свободного времени, чтобы за спиной потом говорить совсем другое? Разве не Вера Петровна так открыто восторгалась, что теперь не обязана ходить даже на родительские собрания – учебные вопросы были переложены на Настю. Зависть это или склонность к сплетням – неважно, но Настя теперь чувствовала себя не в своей тарелке. Ведь действительно, она проводила в этом доме от полутора часов до пяти максимум, а потом преспокойно отправлялась восвояси, убедившись, что задание в гимназию выполнено. Та же Вера Петровна и будила Веронику, и укладывала ее спать, и на прогулки с ней ходила, и в магазин за новой курточкой... Времени на личную жизнь у нее не оставалось вовсе. Или Иван Иванович, муж Тamarочки, постоянно был занят: то забор отремонтировать, то в гараже убраться, то за покупками в супермаркет отправиться. Даже Наташка вопила в поддержку Веры Петровны, хоть и сама была не слишком-то завалена обязанностями.

Стоит ли обращать внимания на сплетни? Конечно, нет,

потому что сплетники всегда найдут тему для обсуждения, что бы ты из себя ни строил. И... да, если при текущей ситуации ты рискуешь стать изгоем. Настя не была склонна к открытым конфликтам, но и совсем не изменить поведения после услышанного сил в себе не нашла. И чуть позже начала добровольно брать на себя другие обязанности – ничего страшного, если она сама соберет грязную одежду Вероники и отнесет в подвальную прачечную, или разложит по шкафам чистую, только что принесенную Наташкой, или сходит до ближайшего магазина вместо Ивана Ивановича, потому что тот забыл купить растительного масла. Это были мелочи, но зато Настя утешала ими совесть и спасалась от скуки, когда не проводила время с Вероникой. Настины усилия незамеченными не остались – и теперь уже сама Тamarочка или Иван Иванович без стеснения просили о помощи. С одной стороны, в этом не было ничего плохого, но с другой – судя по намеченной тенденции, Насте скоро придется переехать в этот дом и перейти на круглосуточный режим работы, дабы окончательно влиться в крепостную семью.

Но они не знали, что ее трудовые обязанности отнюдь не заканчивались, когда она покидала многолюдное поместье. Каждый день после этого ей предстояла передышка в виде пути домой, а потом и допрос с пристрастием. Не только мать, но и сестры с любопытством выспрашивали о каждой мелочи, а первая еще и показательно сокрушалась, что дочь так мало времени проводит с хозяином дома. Ну неужели

Насте трудно дожидаться его возвращения с работы, чтобы пожелать доброго вечера, а уж после того ехать уезжать? Так, глядишь, и подвез бы по доброте душевной.

Очередной просьбой Тamarочки стал звонок Артёму. Близились новогодние каникулы, поэтому стоило позвонить блудному сыну и удостовериться, что он не забыл, в какой стороне находится отчий дом. Сам он вряд ли напряжется до такой степени, чтобы нажать на кнопку телефона и всем жизнь упростить. А персонал к указанной дате комнату подготовит, водителя в аэропорт снарядит. Обычно за это отвечала Тamarочка, но Насте показалось, что теперь та попросту спихнула с себя неприятную обязанность. Уже по этому факту и другим разговорам Настя пришла к выводу, что Артёма воспринимают как ребенка, еще более избалованного, чем его сестра. И если у Вероники это был временный период, который уже иссякал, то для Артёма подобные выкрутасы не имели никаких оправданий. Настя даже к хамству приготовилась, на которое Наташка с первого дня и настраивала.

Но она переживала зря. Парень на другом конце мира ответил с десятого раза и говорил с иронией, но без нахальства:

– Тamarочка? Ну наконец-то ты звонишь мне, любимица моя, – на заднем плане было шумно. Настолько, что иногда перекрывало его собственный голос. А что он сам там мог слышать – большой вопрос. Потому он даже не пытался. – Тamarочка, я не приеду в этом году на праздники. Сильно занят учебой. Но по тебе, любимая, скачаю безумно – приеду

и все наверхстаем, обещаю. Ты к тому моменту только от муженька избавься. И оторвемся, как в старые добрые времена.

Перед глазами у Насти невольно всплыла пятидесятилетняя розовощекая Тamarочка в обнимку с парнем с фотографии. Она зажмурилась и потрясла головой, чтобы отогнать несуразное видение, но потом поняла – он специально гордит эту чушь. Это такой стиль общения, подразумевающий флирт со всеми подряд или провокацию раздражения конкретно у Тamarочки.

– Артём! – пыталась докричаться до него Настя. – Ты тогда сам позвони отцу, сообщи об этом, а то ведь тебя тут все ждут. Я не Тamar...

– Что? Вы или там погромче орите, или тут потише шумите, – рядом с ним раздался громкий смех. Артем что-то крикнул в сторону, а потом вернулся к собеседнице: – Все, все! Сами там все решите, а я занят. Увидимся летом.

– Артём! – Насте казалось, что его решение провалило первую ее серьезную миссию, поэтому хотела уточнить детали или уговорить его перезвонить Александру Алексеевичу. Почему тот сам ему не звонит – этот вопрос Насти не касался. Но Артёма в этом доме ждут с нетерпением, даже Тamarочка, которая знала его еще ребенком. А уж как расстроится Вероника, которая в последние дни только о брате и говорила... – Артём, подожди!

Поскольку шум стих, Настя решила, что на том конце отключили вызов. Но она даже не успела разочарованно вздох-

нуть, как голос раздался снова, но тише и спокойнее. Вероятно, он додумался выйти из шумного зала.

– Тamarочка, ты ли это? Что с твоим голосом?

– Да это не Тamarочка! – немного раздраженно ответила Настя. – Я репетитором работаю у Вероники, меня попросили тебе позвонить, чтобы узнать дату приезда!

– О как, – растерялся он. – И как зовут тебя? Что репетируем сестренке?

– Настя зовут. Английский, – покорно ответила она, словно это имело значение.

– Привет, Настя. Но повторяю теперь уже специально для тебя – я не приеду. А теперь пойд и сообщи это Нике – эта маленькая злючка так разозлится, что вопьется в твои глазенки своими маленькими коготочками и будет рвать, рвать, рвать... Прощай, Настя.

И после этого отключился. Только теперь до Насти дошло, почему именно ей, новенькой и кого меньше всего жалко, поручили этот звонок. Видимо, все были в курсе вероятности того, что Артём приезжать не намерен. И именно узнавший об этой новости вынужден будет сообщать восторженно ждущему ребенку, что восторги были напрасны. А потом утешать ревущую девочку или даже стать ее злейшим врагом, ведь детское сознание редко отличает субъективное от объективного. Вероника же с сентября вела календарь и зачеркивала дни, чтобы точно знать, сколько осталось до приезда брата...

Настя решила не тянуть и не ждать подходящего момента – все равно не выберет самый лучший. Она направилась в детскую, где Вероника заканчивала переписывать математику в чистовик, сжала руки в кулаки и выдала залпом:

– Твой брат не приедет.

И только теперь заметила, что девочка откладывает телефон. Не с ним ли она только что и разговаривала?

– Угу, ясно, – ответила та, а после вернулась к математике.

Никаких тебе истерик, никакого расстройтва. Настя в этот момент решила, что ровным счетом ничего не понимает в детях и их реакциях.

Причины такой странности стали понятны уже на следующий день. Вероника снова не пошла в гимназию, сославшись на сильное головокружение. Такие эпизоды практически полностью прекратились, поэтому Настя удивилась, с чего вдруг рецидив. Да еще и в конце полугодия! Ей теперь снова придется звонить классному руководителю, брать задание и до обеда разбираться в материале. Однако сразу после завтрака и случилось то, чего Вероника ждала. Сначала короткий звонок в дверь, а потом вихрь – из-за стола, через гостиную в коридор, и крик, заставивший дрожать стекла: «Тё-ё-ёма!». Он успел поймать сестру до того, как она впечаталась счастливой мордашкой в стену. Со смехом подхватил, а Вероника повисла на нем, как мартышка на пальме. Артём между делом свободной рукой ухватил за локоть Тamarочку, которая и открыла ему дверь, звонко чмокнул в морщини-

стую щеку, потом помахал остальным, с удивленными лицами выплывавшим к нему.

– Ты что ж не предупредил-то, мерзавчик мелкий? – возмущалась Тamarочка.

– Артём, – серьезно говорил Иван Иванович. – Ну что за ребячества? И отца вчера огорчили, и в аэропорту не встретили...

– Артём Саныч, садись завтракать! – вопила Наташка.

– Да не кричи ты так. Он, по-твоему, глухой, что ли? – осаждала Вера Петровна. – Заходи, заходи, Артём, от чая-то уж точно не отвертишься!

– Тё-ё-ё-ёма! – перекрикивала всех Вероника.

И только Настя стояла позади и невольно улыбалась. Его ждали, но она и представить себе не могла, как сильно.

Он, наконец, заметил и ее:

– Настенька, английская репетиторша, иди сюда, тоже обниматься будем. Да не робей. А то я тебе магнитик на холодильник не подарю!

– Магнитик? – тупо переспросила Настя.

– Магни-и-итик! – переключилась Вероника.

Но Настя уже решила на вопрос, раз уж он сам первым заговорил с ней:

– Ты зачем же обманул? – вероятность того, что он передумал уже после звонка, отсутствовала вовсе. За это время из Америки, да еще и с пересадкой в Москве, добраться сюда можно было б только на космическом корабле.

– Так осюрпризить вас хотел! – оправдался он со смехом.

– Или ты уже вчера был в городе, – озвучила Настя очевидный вывод.

– Уж три дня как, если быть точным, – за это признание он получил мягкий подзатыльник от Тamarочки, поморщился, а потом снова обратился к Насте, перейдя на английский: – Ты тут язык преподаешь или индукцию с дедукцией?

Настя на секунду оторопела, но быстро собралась и ответила ему тоже по-английски:

– О, прости, что случайно раскрыла военную тайну!

– Это что сейчас было? На каком странном диалекте ты говоришь? Что за жуткий акцент?

– Это называется «классический британский», мой дорогой друг.

– И ты учишь мою сестренку «классическому британскому», когда весь мир давно говорит на «куда более классическом американском»? Зачем?

Настя даже рассмеялась – Артём рассуждал ровно так же, как любой другой высокомерный америкашка. Понахватался от них дурного! Она уж было приготовилась продолжить спор, но Тamarочка прекратила прения на корню:

– А ну-ка, молодежь, хватит тут на нерусском кукарекать! Мы же не понимаем!

Артём тут же наклонился к ней и снова поцеловал в щеку:

– Я рассказывал новенькой, что люблю только тебя. Пусть сразу знает свое место!

Все, что слышала о нем Настя прежде, было правдой. Артём являл собой легкомысленного шалопая, и, судя по живописному трепу, буквально все время проводил в пьяном веселье. Учеба вообще в разговоре не всплывала. И как говорила о нем Наташка, он был хамоватым. Но иронично-хамоватым, а не саркастично-хамоватым. Единственное, что забыли о нем упомянуть, давая характеристику – Артём был общепризнанной душой этого дома. Уже через пять минут после его появления все говорили громче, наперебой, чаще смеялись и перетекали из комнаты в комнату монолитной шумной толпой, пока не обосновались надолго на кухне. В его присутствии все становились немного похожими на него и неожиданно для Насти проявляли качества, которых она раньше за этими, в сущности серьезными, людьми не замечала.

– Ты там только не женись ненароком! Вот уж чего тебе не прощу. Свадьбу играем только тут!

Это Вера Петровна заявила, рассматривая фотографии Эльзы – девушки Артёма. Та жила в Майами, работала актрисой и даже на экране смартфона выглядела по-настоящему впечатляющей. Они познакомились в Чикаго в начале осени, а потом Эльза поехала в Майами на съемки сериала. К этому моменту уже прозвучало признание в том, что «у них все серьезно», а Тamarочка с Иваном Ивановичем успели припомнить семнадцать таких же «серьезно» в биографии Артёма.

– Если я и женюсь, то только на Тamarочке! – вернулся Артём к излюбленной теме. – Нет, дядь Вань, ну отдай мне свою красавицу, по-хорошему же прошу!

Иван Иванович только смеялся:

– Вот же болтун малолетний!

– Да я серьезно. Открой тайну – на какого живца ты такую прелестную девушку поймал, а? Ты ж сам толстый и старый!

Справедливости ради надо заметить, что Тamarочка была вдвое толще и вряд ли выглядела моложе супруга, но хохотала заливисто, принимая комплименты как должное.

– Ты сначала живца в штанах отрасти, молодняк, а уж потом на настоящих женщин заглядывайся! – Иван Иванович впервые при Насте позволил себе такую пошлость, но это никого не смутило. – Пока твой уровень – это майамские актрисульки: кожа, кости да глазища в пол-лица. Смирись!

– А каким это ветром тебя в Майами занесло? – перекричала их уже Наташка.

– Так проездом... на этническую родину, как говорится.

Настя не удержалась и озвучила первую пришедшую в голову мысль:

– Из Чикаго в Москву проездом через Майами? Хм...

Артём неожиданно громко хлопнул по столу, заставив всех замолчать, а потом произнес грозно:

– Анастасия, репетитор «классического британского» или какую там лабуду ты втираешь моей сестре, в моем присутствии есть только одно правило – запомни его навсегда: ни-

когда не упоминать вслух географию США!

– Все ясно с тобой! – Наташка расхохоталась первой. – И как тебя еще не отчислили?

– Да скорей бы уже отчислили. Вернулся бы домой, тут бы учился... – мечтательно подхватила Вера Петровна.

Настя с улыбкой наблюдала за этим сабантуем, невольно смеясь вместе со всеми. Артем сильно отличался от того изображения, что висело в гостиной – теперь он казался проще, понятнее, а не красивой картинкой из глянцевого журнала. Вот только криво щурился точно так же, что немного портило его лицо. Так щурятся близорукие без очков, но парень это делал только одним глазом – всегда правым. Эта мимика нарушала почти идеальные черты, но оживляла лицо, делала по-особенному эмоциональным и ни на какое другое непохожим.

Артём утащил Веронику кататься, а Настя отправилась домой. В этот вечер она рассказывала своим о явлении в поместье долгожданного наследника, но мать от этой новости насупилась, будто на что-то обиделась. Несколько раз уточнила, что он непременно уедет после праздников и в ближайшие полгода не нарисуеться снова. А потом так прямо и вынесла вердикт:

– Это плохо, когда ровесники много времени проводят в одном доме. Артём этот – просто блестящий фантик, и хоть ты у меня на фантики не ведешься, все равно само его при-

сутствие мысли тебе спутает. Так что пусть катит ко всем чертям к своей майамской барышне, да там и остается. И ему веселее, и материнскому сердцу спокойнее.

Настя не знала, что конкретно Артём там, в ее мыслях, мог путать – она радовалась его присутствию, потому что радовались все. Но без тайной подоплеки. Настя на самом деле никогда не интересовалась блестящими фантиками – это удел скорее Катюши. Средняя сестра и сама была блестящим фантиком, но при этом достаточно умной и своенравной, чтобы научиться обращаться с себе подобными. Настя даже если бы захотела, то не смогла бы представить свою скромную персону на месте сериальной актрисы Эльзы на последней их совместной фотографии с Артёмом. Но ведь она и не хотела этого представлять. Артём для Насти был человеком, будто попавшим из другого измерения – вроде простой и понятный, но совсем непростой и абсолютно непонятный, если пытаться угадать ход его мыслей. Настя только потом, спустя длительное время, осознала, что все его эмоции выглядели немного наигранно – он или думал о своем, или привык разыгрывать праздник при каждом своем появлении, или попросту успешно скрывал скуку. А кому на его месте не было бы скучно, явись он из Майами через череду вечеринок прямо за кухонный стол, чтобы обсуждать с Иваном Ивановичем цены на бензин или нахвалять стряпню Тamarочки? Он ведь и не спешил там появляться – целых три дня торчал в городе, и торчал бы еще неизвестно сколько, не позво-

ни Настя ему. А потом, например, не захотел расстраивать сестру – да и только. Вполне возможно, что Вероника была единственным мотивом, зачем Артем еще приезжал в этот дом, а остальное – чистое притворство.

Глава 3

Настя любила придумывать разные теории – по любому вопросу. Есть среди них и такая. Независимо от уровня развития цивилизации, культуры, этапа истории и соответствующего им набора социальных отношений, учитель – важнейший человек в обществе. Он стоит немного выше, чем следующие за ним по порядку врач, исследователь, строитель и управленец, замыкающий пятерку лидеров. Потому что хороший врач тоже начинается с учителя. Способен ли человек обучаться сам, без толчка извне и хотя бы первоначальной помощи? Конечно. Не каждый и не всему, но это возможно. Но общество, которое вынуждает людей идти на это, обречено развиваться в потемках. Наверное, так Настя думала только потому, что сама избрала такую профессию, и другие люди тоже считают свою специальность наиважнейшей. Но в процессе размышлений на эту тему Настя пришла и к революционному выводу – в обществе эти значимые профессии и не должны быть прибыльными, чтобы исключить попадание в них случайных людей. Для чистоты эксперимента человек должен задать себе вопрос – а кем бы он стал, если бы денег не существовало вовсе? Если бы он оказался в утопичном мире Томаса Мора? Настя бы стала... учителем. Как и

врач по призванию, который выбирает эту профессию не ради благ и престижа, стал бы врачом. Низкая зарплата отталкивает тех, кто и без того прошёл бы мимо, создает фильтр отбора по внутреннему желанию. Конечно, эти выводы Настя с коллегами по работе ни разу не обсуждала. А иначе была бы бита, с позором изгнана из учительской или сожжена на костре в школьном дворе за ересь.

Мама всё же настояла на том, чтобы Настя принарядилась на следующий день и ненароком осталась на ужин. Проблемы в этом не было – ей часто предлагали присоединиться к вечерней трапезе, но само направление мыслей мамы уже сильно раздражало. Как можно всерьез мечтать о том, чтобы Настя соблазнила и женила на себе Александра Алексеевича? Да еще и при такой ощутимой разнице в возрасте! Он был приятным человеком, но скорее по-отцовски приятным. Теперь, когда Настя узнала работодателя чуть лучше, ей даже шутить на эту тему стало противно.

Но чтобы угодить матери и хотя бы ненадолго закрыть этот вопрос, Настя позволила Веронике ее «уговорить». К тому же в доме устроили настоящий праздник в честь приезда долгожданного гостя. За стол уселись все домочадцы, а не только само семейство. Хотя Настя и не знала наверняка – возможно, они всегда собирались за ужином вместе. И начались разговоры – одно да по тому же. Повторение вчерашних тем или повторение вчерашних тем в новом ключе.

Ну вот, правда, Александр Алексеевич чуть более дотошно интересовался Артёмовой учебной. Тот что-то невнятное ответил отцу, на том тему и закрыли.

Настя уже заскучала, наблюдая за искренним восторгом собравшихся и неискренней радостью самого Артёма, но он вдруг обратился к ней:

– Пойдем, посидим в баре. Хочу выяснить, чему учит Нику такая скромная училка.

На последнем слове Вероника взвизгнула, будто услышала подтверждение справедливости своего еще недавнего обращения к Насте. Она, вероятно, еще со вчерашнего дня так и висела на шее брата. Сама же Настя не стала его поправлять, а заозиралась по сторонам – парню понадобилась компания, а она из присутствующих самая молодая. Если не считать Наташки, которая теперь вылупилась на нее, тоже не понимая, что происходит. Почему же он не позвал заодно и ее? Или почему не обратился к друзьям, с которыми веселился три дня? Настя не придумала, что ответить, поэтому Артём отцепил от себя сестренку, подскочил к ней и утащил за руку из гостиной. Вслед им слышались разочарованные крики остальных, которые готовились к этому ужину часами, а гость не высидел за столом и сорока минут. Но громче всех вопила раздосадованная Вероника.

Почему Артём сбежал оттуда, Насте было понятно. За сутки уже устал притворяться и строить доброжелательную мину. Но зачем потащил заодно с собой и ее? Возможно, у

него в самом деле были намерения на серьезный разговор. Именно поэтому Настя не стала корчить из себя великосветскую леди, а набрала номер матери и сообщила, что задержится. Та, само собой, начала сразу выпрашивать детали, поэтому Настя и место обозначила, и настойчиво потребовала не беспокоиться. Не особо рассчитывая на успех.

Артём притащил Настю в дорогой бар и усадил за стойку. Девушка не любила выпивать, но не спорила, когда бармен поставил перед ней бокал чего-то, заказанного Артёмом. Сам он тоже на алкоголь не налегал – похоже, виски ему был нужен только поддержания образа. Молчание затянулось, но Настя не торопила, понимая, что притащили ее сюда не просто чтобы посидеть рядом.

– Насть, – наконец-то начал Артём. – Я хотел бы поблагодарить тебя за Нику. Я говорю это искренне... – Настя повернулась к нему, чтобы поддержать улыбкой, но он тут же осек порыв: – Но и о твоём «классическом британском» я тоже говорил искренне.

Она решила на укол не реагировать. Это собрание посвящено Веронике – вероятно, Артём на самом деле обеспокоен судьбой сестры и потому решил узнать поближе ту, которая общается с ребенком чуть ли не больше всех остальных.

– Тебе не за что меня...

– Не скромничай! – без стеснения перебил он. – Скромность никому не идет. Ника стала намного спокойнее и тише – даже я это заметил, а уж отец бы по пунктам расписал, что

конкретно в ней изменилось.

О мнении Александра Алексеевича Настя знала, но не считала похвалу полностью заслуженной. Об этом сказала и Артёму:

– Нет. Сама я изменила не так уж и много. Вероника становится взрослее, серьезнее... и учится лучше притворяться.

– Притворяться? – парень смотрел на собеседницу с интересом, ловя каждое слово.

– Притворяться, что внимание отца ей нужно не так сильно, как на самом деле, – пояснила Настя.

Артём грустно усмехнулся.

– Вот оно что. А он до сих пор прикрывается работой?

– Почему же прикрывается? Разве он мало работает?

– Много. Но это его выбор. Фирма не развалилась бы, не приедь он туда денек-другой. Для него работа уже давно стала прикрытием. От проблем. От собственных страхов. От непонимания, что делать с дочерью и как ей помочь. Он окружил Нику чужими людьми, чтобы они помогли решить ее проблемы. А сам он боится остаться с проблемами наедине. Поэтому и занят всегда. Понимаешь?

Настя заторможено кивнула. Теперь она понимала – Артём был полностью прав. И это объясняло восторг отца по поводу ее, Настиных, даже мелких побед. Сам он уже и отчаялся добиться хоть одной. Он и правда закрылся работой, как щитом, от того, с чем не справлялся. Но Александр

Алексеевич не обманывал в этом Веронику или кого-то еще – он обманывался сам. И щит этот он использовал не только от неуправляемой дочери, но и от реальной жизни. Вечно занятому, ему было некогда думать о себе, о спутнице жизни или других вопросах, которые требовали бы серьезной переоценки событий из прошлого. Поэтому он и выбрал быть занятым вместо остального.

– В общем, спасибо тебе, – повторил Артём. – Только я хочу попросить тебя об одном – не исчезни из ее жизни так же внезапно, как появилась. Не сейчас, когда она через тебя учится смотреть на людей по-новому, дождись... когда у нее появятся друзья среди сверстников или другой человек.

– Я постараюсь, – искренне заверила Настя. Она это и без него знала, да и никогда не относилась к детям как к работе.

– Вот и хорошо! – Артём поднял виски и, когда Настя повторила жест, стукнул доньшком о ее бокал. – Мне будет спокойнее, когда я вернусь в Майами.

– В Майами? Постой, твой универ же в Чикаго!

– Я так и сказал! – он был очарователен в своем показательном шалопайстве. – И давай уже номерами телефонов обменяемся, а то как неродные.

– Зачем? – Настя бы не прочитала двусмысленного подтекста в предложении, если бы не всегдашнее выражение лица, которое в любую фразу Артёма вносило осязаемый привкус флирта.

– Так звонить тебе буду – каждый день ровно в десять по

Гринвичу. Спрашивать, чем занимаешься, что на тебе наде-
то... ну, ты же занималась уже сексом по телефону?

– Что?!

Он выдохнул обреченно.

– Oh, my fuckin' ass... Вас в училки по отсутствию чув-
ства юмора набирают? Мне нужен твой номер на случай, ес-
ли вдруг пойму по разговорам с сестрой, что у нее пробле-
мы. Или, наоборот, тебе понадобится моя помощь. В край-
нем случае, конечно. По какому поводу нам еще с тобой об-
щаться?

Настя окончательно стушевалась и даже покраснела. Что-
бы скрыть это, полезла в сумочку за телефоном и забормо-
тала извиняющимся тоном:

– Это ты правильно придумал. Мне твой номер точно ну-
жен! Вероника иногда так упрется в какую-то мелочь, хоть
убейся – с места не сдвинешь. А вот тебя могла бы и послу-
шать – так что в таких случаях буду призывать твою экстрен-
ную телефонную помощь.

Артём взял из ее руки мобильник и набрал свой номер.
Сохранил под надписью «Служба спасения». Открылся жур-
нал вызовов.

– У тебя тут пропущенных звонков... Ты на беззвучке, что
ли? Или прячешься от кого? – Настя попыталась отобрать
у него сотовый, но Артём, увлекшись, повернулся в другую
сторону. – Да погоди ты, я себе же еще сохранить должен...
Мама, мама, мама, Сеня, мама, мама. Да эти дамы тебя про-

сто на куски рвут!

– Сеня не дама! – возмутилась Настя. – Он парень мой!

– А-а, прости, – Артём, получив вызов с Настиного номера, тут же отдал ей телефон. – Значит, Сеня? И это не сокращение от Есени, Ксени или чего-то еще, приходящего на ум?

– Арсений он, – буркнула Настя. Перезванивать Сене она пока не собиралась – сделает это уже из дома. – Арсений – это почти как Артём, только с небольшой разницей! Так что не тебе выкаблучиваться по этому поводу.

– И правда, похоже, – согласился он с нескрываемой иронией. – Вот только из-за этой разницы меня уже Сеней никто не назовет. А мне и этого достаточно для счастья.

Настя ощутила прилив раздражения, которое и заставило ее сказать:

– Тебе самому еще не надоело корчить паяца? Такой весь из себя шутник, легкомысленный болван, ничего святого, бла-бла-бла...

– А кто я, если все это только «корчу»? – Артём поинтересовался неожиданно серьезно.

Именно его тон и заставил Настю подумать над ответом:

– Подозреваю, что тебе скучно. И интересуется тебя только Вероника... С остальными ты общаешься неискренне.

– Мне не скучно! – зацепился Артём только за это утверждение.

Настя поразмыслила еще:

– Или нет... не скучно! Просто ты играешь в того, кого от тебя ждут! Точно... – Настя и сама поразилась собственной догадке. – Богатый сынок обязан бросить институт тут, а потом пожелать учиться за границей, обязан окружить себя миллиардом друзей, проводить все время в вечеринках и менять девушек как перчатки. Это настолько шаблонный образ избалованного парня, что даже смешно! Слишком очевидно и предсказуемо, чтобы тут не было подвоха. Ты изображаешь того, кого все ожидают увидеть – и из этого они делают вывод, что с тобой все в порядке!

– А со мной не все в порядке?

– Не знаю... – Настя смотрела на Артёма рассеянно, погруженная в себя. – Ведь никому и в голову не приходит, что ты ненавидишь возвращаться в этот дом. Где жила твоя мать, где растет твоя сестра, которая даже толком и не помнит матери, потому что была маленькой... Но ты-то помнишь... Для тебя прошло всего пять лет, а для Вероники – больше половины жизни. Скорее всего, ты сразу и выбрал эту роль, чтобы никто не вздумал переживать о тебе, когда есть она.

– Ты сильно преувеличиваешь, – Артём сделал глоток. – Но что мы все обо мне да обо мне? Давай поговорим о Сене. Какой он?

Настя усмехнулась. Но милосердно позволила сменить тему:

– Хороший.

– Это вообще не характеристика, – Артём снова улыбался.

ся. – Давай конкретнее.

– Ну... он понятный и надежный.

– Это значит предсказуемый? Дальше.

Он опять влился в роль инициатора разговора – и, конечно, повел его по привычному руслу насмешек. Но Настя поддержала и эту игру:

– Умный. Честный. Верный, – в последнем Настя не сомневалась. Не потому, что контролировала Сеню, просто тот был принципиально не тем человеком, который стал бы продолжать отношения с ней и одновременно заглядываться на других девушек.

– Верный, потому что каждый раз делает осознанный выбор в твою пользу, или верный, потому что никому больше и не нужен? Это важно, а то люди склонны идеализировать верность, не углубляясь в суть термина.

На этот вопрос Насте отвечать не хотелось – да она и сама толком не знала ответа, поэтому прицепилась к последнему утверждению:

– То есть ты против верности?

Артём махнул бармену, подзывая, и попросил повторить, хотя Настя не осушила бокал и наполовину.

– Нет, конечно, – он снова вынудил ее чокнуться с ним. – Но не каждая верность достойна называться верностью – я об этом. Да и мало о чем она говорит. Кто верный – тот, кто остается до последнего у постели больного супруга, ни разу не подумав о том, чтобы его бросить, или тот, кто не имел

никаких сексуальных партнеров, кроме супруга? Мы сводим верность к банальному подавлению животного инстинкта, а дальше видеть не хотим. В конце концов, преданность куда важнее верности.

Настя отчасти согласилась с его рассуждениями, но уточнила:

– Получается, что ты не против, если Эльза начнет параллельно встречаться с десятком других парней, но при этом будет ждать твоего возвращения на берегу моря с белым платочком?

– Постараюсь быть не против, – рассмеялся Артём. – Но сам факт того, что ей требуется десяток других парней уже через три месяца отношений, говорил бы о том, что между нами двумя не все так гладко. Значит, что наши отношения недостаточны для нее, и тогда их лучше прекратить.

– Тогда ты не влюблен в нее! – уверенно заявила Настя.

– Влюблен и очень сильно. Но если мы разойдемся, то я остыну и влюблюсь в другую. В любом случае оставаться с человеком, отношения с которым уже в самом начале не приносят полного морального и физического удовлетворения, это тупик. Пустая трата времени. А так да, люди – это просто вид животных. Звери, удовлетворяющие инстинкты.

Настю возмутила такая постановка вопроса:

– Может быть, и звери, но звери, которые могут учитывать надежды и желания других людей, а не только собственные! Если любимому будет больно от твоих измен, то лучше не

причинять ему этой боли. Или, наоборот, если ты видишь, что кто-то счастлив в браке, то лучше не вмешиваться в их отношения, не становиться третьей стороной, из-за которой и произошла измена.

– Очень интересно, – Артём устремил на Настю фирменный прищур. – То есть семью должны хранить не двое, которые на это подписались, но и остальные мимопроходимцы? В измене жены виноваты только жена или несложившиеся отношения с мужем, но никак не любовник. Он-то этот контракт не подписывал.

– То есть у тебя нет никакого уважения к чужой семье?

– Странно было бы этого ожидать. Мы звери, но семья – это уже чисто социальные отношения, и люди, вступающие в них, сами отвечают за последствия. Но уж точно не могут требовать ответа за последствия от посторонних. Любовник жены этот социальный контракт не подписывал, какой с него спрос?

Вот вроде бы всё в его логике клеилось, но чего-то для полного понимания Насте не хватало. В таких ситуациях необходимо утрировать пример до крайности, чтобы все стало предельно ясно:

– Допустим, ты прав. А мораль – это важничанье человека перед природой, как у Ницше. Тогда вопрос – если бы твой отец или близкий друг женился, то ты бы посмотрел на его жену?

Артём сначала хохотнул, потом вперил взгляд в свой бо-

кал, глубоко задумавшись. Ответил, признавая поражение:

– Нет. Даже если бы она была первой красавицей, то я уже сразу смотрел бы на нее как на родственницу или подругу, а не на женщину.

– Вот! – победоносно воскликнула Настя. – Двойные стандарты! Чужая женщина не выглядит для тебя женщиной, но только при условии, что она принадлежит твоему близкому? А какая в сущности разница? Пусть она замужем за незнакомым тебе человеком, но который при других обстоятельствах мог бы быть тебе близким другом? Так кто мы – звери или нет? А если в своих поступках думаем не только о себе? Если не хотим осознанно причинять боль другим?

– Звери, – уверенно выбрал Артём. – Но если думаем только о себе, тогда... темные звери. Это как темная и светлая сторона, чтобы нам с тобой отличать хороших людей от плохих.

Настя поддержала его смех и тоже подняла бокал:

– За хороших людей!

– За светлых зверей!

Артём оказался приятным собеседником и человеком гораздо более сложным, чем представлялось на первый взгляд. Но чтобы понять его еще лучше, пришлось бы задавать личные вопросы – о матери, о родном отце, о напряжении, которое ощущалось между ним и Александром Алексеевичем. А для первой встречи такие вопросы не годятся, поэтому она решила на сегодня закончить и спрыгнула с высокого стула.

– Ну ладно, пора и честь знать. Я домой.

– Подожди минутку – сейчас допью и посажу тебя в такси.

Артём взял бокал и обернулся в сторону зала, Настя спонтанно повторила его движение – и остолбенела. За столиком возле стены сидели Викуля с Катюшей и, поняв, что их заметили, захихикали. Настя от нахлынувшей злости замерла на месте. Ну и зачем она наичестнейшим образом докладывала об обстановке матери? Чтобы та тут же снарядила за ней шпионский отряд? Да в другой раз Настя соврёт от души, если это единственный способ не начинать военных действий! Артём уловил ее заторможенность:

– Что случилось? Твои знакомые?

Настя скрипнула зубами, попыталась испепелить назойливых родственниц взглядом и повернулась к нему:

– Это мои сестры. Следят за мной – по приказу матери и, судя по довольным лицам, по собственной инициативе.

Артём удивился:

– А за тобой нужно следить? Ты неадекватная, что ли, или наркоманка в завязке?

Настя разозлилась бы и на него, но причин тому не нашла – он назвал самые логичные мотивы, зачем понадобилось бы следить за взрослым человеком. Поэтому и захотела объясниться – чтобы не выглядеть в его глазах неадекватной наркоманкой:

– Моя мать сразу заподозрила в тебе угрозу. Ну, поскольку мы одного возраста, то обязательно, по ее мнению, должны

были тут же прыгнуть в одну постель. И когда я ей сообщила, что мы с тобой вдвоем решили...

– Ого, как интересно! – он тут же оживился. – А как же Сеня и твои рассуждения про верность? Или родственники твои не в курсе, что ты не склонна к загулам налево? Или они присматривают за тобой просто так, чтобы было что обсудить на семейном ужине?

Она только вздохнула. Мать про Сеню даже и не вспомнила – тут все понятно, он для нее не существовал и точно не виделся препятствием. Артём не стал дожидаться ответа, подсказывая:

– И тебя это бесит.

– Еще как!

– И никакие разговоры не помогают.

– Ни на йоту.

– Тогда почему бы тебе не использовать мою стратегию?

– Ты о чем?

Артём шагнул вперед и встал перед ней, закрывая собой от пристального внимания сестер. Нагнулся немного и упер руки в барную стойку по обе стороны от Насти. Она не дернулась, но уточнила, когда его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от ее:

– Ну и в чем стратегия?

– С их места отличный обзор – и сейчас мы целуемся.

– Это я понимаю. А зачем мы позволяем им так думать?

Он улыбался:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.